

Александр Евгеньевич Цыпкин

Интуиция. Burnt in the USSR

Серия «Одобрено
Рунетом. Подарочное»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67642581
Интуиция. Burnt in the USSR. Пьесы: АСТ; Москва; 2022
ISBN 978-5-17-148204-6*

Аннотация

Истории Александра Цыпкина – автора «Беспринципных чтений» и одного из самых популярных писателей в России – по всему миру читают лучшие российские актеры, и теперь эти истории ожидаемо стали превращаться в спектакли.

«Три товарища? О чем молчит балет» – в репертуаре «При юта комедианта». «Burnt in the USSR» играют на малой с цене «Гоголь-центра». «Интуиция» идет в Театре драмы имени Шукшина, и вот теперь эту пьесу ставят в московском «Современнике». «Идеальный Че» репетируют в театре имени Ермоловой.

В этот сборник вошли две пьесы: «Интуиция» – написанные вместе с Константином Хабенским монологи умерших людей, которые делятся своими переживаниями об ошибках последнего прожитого ими дня земной жизни, и «Burnt in the

USSR» (Сожженные в СССР) – собранное из известных рассказов Цыпкина трагикомическое переплетение судеб одноклассников 1970-го года рождения – поколения, выросшего под руинами СССР.

Содержание

Интуиция	6
Конец ознакомительного фрагмента.	39

**Александр
Евгеньевич Цыпкин**
Интуиция. Burnt in the USSR
Пьесы

* * *

© А. Цыпкин, текст, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Дорогие читатели, успех этой книги, равно как и автор, застрахованы в компании «Ингосстрах»

Благодарю компанию S.T. Dupont за то, что ее ручка никогда не заканчивалась, когда надо было записать идеи новых рассказов

Интуиция

Сцена 1

Егор Матвеев, 43 года

...Ну надо же – и здесь собаки. Тоже ждешь... Сейчас встретимся. Интересно, с кем. Я вот думаю, неужели Он и правда по образу и подобию, тьфу, наоборот, ну ты поняла.

Честно говоря, если по образу и подобию, то как-то не очень получилось. Я, знаешь вот, инженер и могу сказать, конструкция очень хреновая. Ломается чуть что, и запчастей не найти, а главное – ну никакой предсказуемости. Мне приятель со «скорой» рассказывал, привозят к нему за день двоих. Один с пятого этажа упал, представляешь, придурок решил посмотреть, нет ли очереди за пивом. Ну вот и посмотрел. А второй лампочку на кухне решил поменять, стул на стол поставил, рухнул. Так у того, что с пятого этажа свалился, сломана лодыжка, а у второго – шея. Парализован на всю жизнь. Какое уж тут подобие.

А собак я не люблю. Нет, конечно, вы хорошие, но уж очень мне жизнь поломали твои братья. Точнее – сломали. У меня жена рождает, я в роддом лечу и собаку сбиваю... Ну то-

ропился я, а жена просила при родах поприсутствовать. Не знаю, зачем ей это сдалось. Чего там смотреть.

Но попросила. Я поехал и собаку сбил. Шавку какую-то, сама под колеса прыгнула, бездомная. Визг еще такой... Знаешь, я до сих пор помню этот визг. Я машину тормознул, вышел, она лежит, скулит, ноги не шевелятся, еще бы, такой удар был. Ну что мне делать? Жена в роддоме, а эта тут помирает. Я ее на травку положил, сел за руль. И не могу я ее бросить. Как тут бросишь? Решил: сам кончу, чтоб не мучилась. В детстве у бабки каждое лето щенков с котятами топили, и ничего. Бабка за это картошку жарила. Не утопишь, не пожрешь. Думал, легко задушу. А она, сука, прямо в глаза смотрит и скулит, больно, наверное. Мне уже из роддома звонят, ну что мне делать, я глаза закрыл, начал душить, а она обоссалась, люди тоже так, говорят, если вешаются. Ну, короче, не смог я. Звоню в роддом, спрашиваю: «А можно я собаку сбитую привезу?» Меня, знаешь, обматерили. Говорят, у нас роддом, а не ветеринарная клиника! А то я не знаю.

Знаешь, у нас люди странные. Иногда лежит человек на улице, помирает, никто не поможет, а иногда мужа-алкоголика, скотину, баба всю жизнь тянет. Не поймешь нас. Так и тут. Ну вот что мне делать: убить не смог, бросить тоже, в роддом не взяли, поехал в ветеринарную. Приехали, врач спросил: «Ваша собака?» Я говорю: «Нет, бездомная, просто подобрал». Он и ушел. Я, если честно, даже не понял, думал, ну еще пять минут подожду и поеду. Я сижусь. А дол-

жен в другом коридоре сидеть. Жене попросил передать все, как есть, мол, рожайте без меня, я собаку спасаю. Ничего не ответили. Да, я ее понимаю, надо было нормально машину вести, я, конечно, выпил, что уж там, на радостях, ну немного так... Ну как немного – в общем, выпил. До роддома два километра, думал, доеду. Доехал... Я врачу стучу, говорю: «Мне ехать надо, что там? Можно я поеду?» А он говорит: «Нет, тело забрать надо». Он ее просто усыпил. Даже спасти не стал. Удивился только: «Сказали же, что не ваша собака, я и понял, что никто ее выхаживать не будет». Ну кто же знало?! Конечно, я бы ее выходил! Что же сразу усыплять-то?.. А он такой: «Ну, минимальный вред». Я даже запомнил. Минимальный вред. Я его хотел было об стену головой, чтобы тоже минимальный вред. Сдержался.

Вышел, лечу в роддом, жена звонит, говорит: «Что, мудило? Ни при родах не был, ни при зачатии». Я так обалдел, что в столб и въехал, лежу, ногами пошевелить не могу. Думаю, эх, того бы доктора с минимальным вредом сейчас. А рядом люди идут, мимо все, один, правда, стал помогать, но машина загорелась, он убежал. Я думал, он меня вытащит... но... мне даже кажется, он мне в глаза посмотрел. И вот, знаешь, я как подумал, что стору живьем, и не в танке героем, а в «Ладе» мудаком, так и умер. Повезло. Пощадили меня. Живьем гореть очень больно.

Интересно, она от обиды, или правда не мой ребенок? Как бы узнать? Я не то чтобы зло на нее держу, нет... Ну как-то

мне спокойнее будет, может, они мне там сокрут, я только рад буду. Ну чего ты так смотришь? У меня колбасы нет. Хорошие у тебя глаза, добрые, как будто все понимаешь. Жалко, конечно, что ту псину просто усыпили, надо было сказать врачу, что я вернусь за ней. Хотя, может, и к лучшему.

Я, кстати, в судьбу никогда не верил, ну, пока вот не умер, точнее, пока не увидел, как тот парень, который меня вытащить хотел, убежал. Я тоже однажды убежал. Как сейчас помню. Пошел в деревне за водой и вижу: рыбак-мудак под лед провалился, весна уже, солнышко пригрело, а он, дурень, на самую середину озера зашел, ну и... Кричит: «Помогите!» А как я помогу? Надо же к нему ползти, а если сам провалюсь? Тут каждый сам решает. Мне лет семнадцать было, мамка, батя, сестричка, как бы они меня хоронили... Я и побежал, чтобы крик не слышать, хотя я его потом еще долго слышал, лет десять, и, знаешь что скажу, если мне здесь этого рыбака предъявят, я все равно скажу, что правильно сделал. И тот, что меня из горящей машины вытаскивать не стал, тоже правильно. Нельзя свою жизнь на чужую глупость класть. Ну весна, на хрена тебе эта рыба?! Или я – пьяный дурак. Так что все правильно. Не наказывайте пацана, а вот собаку жалко. Надо было сказать, что я ее заберу...

Сцена 2

Стажер

Какое у меня сегодня задание?

Инструктор

Слушать, стажер, слушать. Ты вот сейчас слушал, да?

Стажер

Да. Ниоткуда человек появился. А вы куда-то исчезли, я и слушал.

Инструктор

Молодец, да у меня дел много, я знал, что ты поймешь. Они иногда мысль теряют, так что слушаем внимательно, смерть – все-таки стресс, они же понимают, что умерли, но пока не понимают, что дальше, ну и говорят, что в голову придет, а мы слушаем и делаем выводы. Так что сиди и внимай. Я снова отскочу ненадолго и присоединюсь.

Стажер

Куда отскочите?

Инструктор

Обед у меня.

Стажер

И здесь есть обед?!

Инструктор

Господи, стажер, я пошутил. Другому стажеру задание дам. Вас много, я один, а покойников каждый день сто пятьдесят тысяч примерно, пока всех выслушаешь...

Стажер

Но не все же говорят! Некоторые молчат и просто думают.

Инструктор

Какой ты смешной. Здесь это не имеет значения. Здесь говорить нечем. У души рта нет.

Стажер

Простите, забыл... Все еще живу земными понятиями.

Инструктор

Ничего страшного. Привыкнешь. Я ушел. Слушай давай, у тебя новенький или новенькая.

Сцена 3

Светлана Рябинкина, 28 лет

Ну и наркоз. Привидится же такое. А девочки предупредали. Но это не зубы, по местной не сделаешь. Тоска, конечно, у меня в голове, раз такие галлюцинации. Так, минут-

ку. Э-э-э-э... Нет. Нет!!! Нет, нет, нет, нет!!!

Я что, сдохла, что ли?! То есть я натурально сдохла на операции?! В двадцать восемь лет. Мне врач сказал, один случай на миллион! Я что, одна на миллион?! Наконец-то! Одна на миллион. Любая баба мечтает такое услышать. А сдохла-то я из-за этого козла! Точно! Я же конченная дура, я идиотка, в двадцать восемь лет умереть из-за мудака. Надо мной же все телки ржать станут, это же не похороны будут, а «Камеди клуб». А отчего Светка умерла? Рак? От глупости. Нет, я Макса здесь дождусь и лично ему глаза выцарапаю. Скотина! Как вспомню его этот взгляд снисходительный. Мол, ну да, Рябинкина, не дал тебе Бог. Ему, можно подумать, дал особо, я же молчала, а он, сука... не молчал.

И я ведь читала, что это все из детства, что у него там в детстве что-то криво пошло, то ли не кормили его нормально, то ли увидел кого-то голую, в общем, я-то не виновата, но мне же больше всех надо!!! Я ведь еще и на свои деньги! Кредит взяла! Господи, ну у тебя же я такая одна, да? Скажи мне: «Света Рябинкина – ты у меня такая одна. Такая идиотка». Это же история для кино. Ради мужика решить сделать себе сиськи нормальные, взять кредит и умереть на операции. И, кстати, вот да! Нормальные сиськи. Девки, не ведитесь на эту хрень. Любые сиськи нормальные! То, что этому недокормышу дойки нужны, это его проблема вообще-то. Я же не просила его член увеличить, а не помешало бы! А нет, говорила, все хорошо!

А он, сука, как на пляж приходил, так на каждую корову глаза сворачивал. А мне что делать?! Доска два соска. Хотя соски красивые. У этих с большими сиськами не соски, а размазня, а у меня – как вишни. Интересно, соски-то остались. Кстати... А ведь правда интересно, успел врач-то импланты вставить? Хоть бы успел. Тогда на похоронах красоткой буду. Э-э-эх, догадался бы кто меня без белья хоронить или расстегнуть блузку. Сиськи-то стоять будут. Имплантам все равно, живая или мертвая. Фоточки красивые будут. Макс любил большие сиськи... Я ему сюрприз готовила. Представлю его лицо на похоронах, если он мои новые сиськи увидит. Мне кажется, его на всю жизнь колбаснет.

Это все, конечно, если врач честный. Может же импланты и вынуть. Скажет, что умерла до того, как вставили. Хотя они мои. Я триста тысяч заплатила? Заплатила. Не имеет он права их себе оставлять. Но сегодня же никому верить нельзя. Неужели кинет меня?! Не должен. Мне его так рекомендовали. Хороший врач, говорят. То, что я у него на столе умерла, о нем как о враче, конечно, не очень говорит, но, может, хотя бы человек честный. Должен же понимать, что похороны – это самая крутая тусовка будет в моей жизни. Все придут. Однокурсники, одноклассники, родственники, дядя Коля, папин брат двоюродный, лет с тринадцати меня трахнуть пытался, бывший мой... О, его же бывшая припрется! Точно! Вот она точно от зависти сдохнет!!! Прямо на кладбище! Тоже, кстати, доска. Вот Макс невезучий, вечно в се-

ледок каких-то влюбляется. И тут я – молодая, красивая и с новыми сиськами. Жизнь-то удалась. Не зря все-таки к хирургу пошла, на хрен меня девочки отговаривали.

Интересно, а в чем меня хоронить-то будут, лучше бы, конечно, в том платье Баленсиага, только вот где оно... Ой, я же его так из химчистки и не забрала! Вот дура! Оно теперь там и останется! Обидно как, надо было забрать еще вчера, тогда бы точно в нем похоронили, ну не идиоты же все, хотя маме не до того будет, Макс вообще не видел разницы, в чем я хожу. Кроме Карины, никто об этом не подумает. Ну вот как так?! Завещание надо было написать. А ведь шутили с Каришей, музыку еще подбирали нам на похороны, жаль, я ей тогда про платье-то не сказала. Она бы запомнила. Дура! Один раз умираю – и так все провалить!..

Сцена 4

Василий Килькин, 58 лет

Ну всё, конец мне. Подвел я Ивана Сергеевича, он мне пост доверил, а я сбежал и даже не предупредил! стыдно-то как... Позорно.

Взял вот так и безответственно умер, можно сказать, нарушил партийную дисциплину. Надо собраться и что-то придумать. Здесь же должна быть связь. Ну не может быть, чтобы никакой возможности не было туда что-то передать. Тут

не идиоты, тут должны это продумать. Ладно я, а если бы Иван Сергеевич умер, как область без него бы? Должна быть связь! Поищу.

Нет связи. Ничего нет. А еще говорят: у нас воруют. Здесь вообще ничего нет, а наверняка должно было быть, но все растащили, Ивана Сергеевича на них нет! Эх...

Мне просто даже страшно подумать, что там сейчас начнется, как жена утром меня добудиться не сможет. Это ведь ей придется звонить Ивану Сергеевичу, если она еще номер его найдет, надеюсь, тянуть не будет, сначала позвонит Ивану Сергеевичу, а потом уже в «скорую» и все остальное. Ну, она опытная, знает, что делать. Не подведет.

И главное, во сне... Ну вот нельзя было как-то днем, я бы точно успел нужные распоряжения оставить. Юбилей района, не каждый день же такой праздник! А меня главой вот только недавно назначили, я, можно сказать, всю жизнь шел к этому дню и умер прямо в день рождения. А кстати, кто его придумал делать первого октября? Вспомнил, это Сухин, сторож наш, правильно сказал: хорошая дата, первое октября, еще до нас на обычной машине доехать можно, потом уже только на уазике, да и то...

Интересно, Иван Сергеевич-то уже выехал, может, успеют его предупредить? Так неудобно будет, ему два часа трястись, а тут такое, он бы мог столько полезного сделать за эти два часа, он у нас работающий, вся область на нем, а я его подвел.

Люди придут, гости официальные с ним будут, праздник народный, остановку автобуса покрасили, ленточку приготовили, школьный хор выучил песню наконец, кстати, на стихи Ивана Сергеевича, а глава района струсил, сбежал, считай. Остановку покрасили. Черт, главное, чтобы дождя не было, денег-то на краску нормальную я пожалел, бюджет-то не резиновый, мы пока старой нашей всё замазали. На днях думал немецкую взять у одного из наших торговцев, у него от коттеджа осталось. Но солнце всю неделю, я и рискнул. А вдруг все-таки дождь. Надеюсь, наша сдюжит. Довоенная вроде, тогда еще умели краску делать. Надеюсь... Ну вот что я сэкономил?

Если что от меня в этой жизни останется – так остановка! Когда ее еще покрасят? Лет через двадцать. Умер я, следа не оставил, а если еще и краску смоем дождь, так вообще, считай, и не жил. А если и правда смоем?!

А то я как представлю лицо Ивана Сергеевича, так душа в пятки, хорошо, что здесь меня не достать, а то бы еще раз умирать пришлось... Нет, конечно, удобно, что вот прыгнул сюда – и всё. Раз – и нет никакого Ивана Сергеевича. Ты просто не понимаешь, какой это зверь! Ваш местный суд – это санаторий по сравнению с селектором нашим.

Ну а как иначе областью рулить? Без жесткой руки наш брат мягким становится, податливым на всякие глупости, начинает думать много лишнего, прессу читать.

Черт, пресса. Эти тоже как узнают, что я умер, поливать

область начнут, что, мол, продолжительность жизни в районе низкая, или, еще хуже, что Иван Сергеевич подчиненно-го довел. Ей-богу, лучше бы меня машина сбила... Меньше забот Ивану Сергеевичу, и меня нельзя обвинить в неосознанности. Э-э-э-эх, Иван Сергеевич, не сердчай.

Ну, надеюсь, праздник не отменят. Это уже совсем никуда. Можно, кстати, меня одеть и посадить в углу, дескать, жив, просто устал и молчит. А потом уже тихонечко всем сказать. Я бы на месте Ивана Сергеевича так и сделал. Как бы ему эту мысль передать. Нельзя вот так, с делами не разобравшись, уходить. Нельзя. Не по-товарищески. Вот Иван Сергеевич бы так никогда не поступил. Поэтому он и глава области. Надеюсь, он мне выговор посмертно не объявит. А то ведь может. Хотя будет прав. Другим урок. Пусть думают, когда на службу Отечеству заступают.

Ну ладно, буду пока здесь все к приезду Ивана Сергеевича готовить. Вот придет его срок, прилетит он сюда, а я уже здесь: все в деталях продумал, программа по минутам. И скажет мне Иван Сергеевич: «Молодец, Килькин, возьму тебя на повышение, как обещал». Но это только если краска выдержит. Вернуться бы! Просто купить новую, и всё. За день бы перекрасили. Мелочишка, а вся жизнь по-другому отсюда смотрелась бы. И Иван Сергеевич доволен, и память обо мне хоть какая-то в деревне. Сядет человек в дождь под козырек и подумает: «Спасибо тебе, Килькин. Сижу в красоте. Не зря ты жил».

Сцена 5

Инструктор

Ну как дела?

Стажер

Троих послушал... получается.

Инструктор

Внимательно?

Стажер

Тут сложно отвлечься. А почему один из них как будто собаке рассказывал? Да и остальные, вроде, как кому-то, а здесь же нет никого, а меня они, я так понял, не видят...

Инструктор

Да они все кого-то видят, кто собаку, кто паромщика, кто вообще думает, что в поезде на тот свет едет. Программа выбирает, кому он или она душу изольет, а мы слушаем, то есть ты. Последнее время что-то собаку все чаще выбирают. А я знаю почему. Привыкли, что их на Земле никто, кроме собак, не слушает.

Стажер

А зачем мне все это слушать?

Инструктор

Ты должен будешь сделать выбор.

Стажер

Я? Какой?

Инструктор

Именно ты, тебе решать.

Стажер

А что решаю-то?

Инструктор

Сейчас вот внимательно. Мы тут нашли некоторые лазейки в Программе. Сразу оговорюсь, это мы ее так называем. Систему устройства Вселенной. Потом расскажу подробно. Так вот в чем суть: иногда появляются окна времени, и мы можем вернуть человека назад.

Стажер

Совсем?

Инструктор

Так, подожди, у меня срочный вызов, слушай дальше, я

вернусь.

Стажер

Ладно.

Сцена 6

Николай Кирпичников, 77 лет

...Вот что я ей тогда не позвонил?.. Ну ведь и телефон был, представляешь, помнил его наизусть лет сорок, получается. Ничего не мог запомнить, а его не смог забыть: 36–55–14. У них еще тогда по шесть цифр было. Жизнь кажется длинной, а потом вот р-р-р-раз – и сидишь тут, с собакой разговариваешь. Я много раз хотел набрать. А что скажу? «Привет, ты как? Я нормально, женат, двое детей, девочки, внук даже есть. Кого люблю? Девочек? Конечно! Жену? Ну... она – мама хорошая».

А она вдруг мне скажет: «А у меня все плохо, жизнь не сложилась, жаль, ты тогда не позвонил. Я так ждала».

Я-то тогда испугался ответственность взять. У нее ребенок от кого-то, я нищий. Ну куда мне все это было?! Но телефон-то помню.

А уж если ей сейчас плохо, то начал бы себя корить, что во всем виноват, еще полез бы спасать. Точно бы полез. Знаешь, иногда лучше про чужие беды не знать. Просто если знаешь,

то не помогать как-то неприлично. А если не знаешь, то какие вопросы...

Надо было позвонить. Хотя бы раз голос услышать. Хотя бы лет через двадцать, еще бы узнал. Сейчас, наверное, уже нет. Да она, может быть, умерла. Ты, может, ее видела. Наверное, сидела вот так, тебе про меня рассказывала, говорила: «Встретишь Колю Кирпичникова, откуси ему...» Н-да, если она раньше меня на ваши суды попала и все обо мне поведала, рассчитывать особо не на что будет. Хотя... Если так взять, плохого я ничего не сделал. Разве что надежду дал на какое-то время. Хотя я особо ничего не обещал, просто исчез, перестал трубку брать. А зачем? Только мучить.

Мне кажется, я вот как тогда полюбил ее, так больше никого по-настоящему и не любил. По-настоящему – это только если взаимно. Иначе это все не то. А она меня любила. Вот вы нас, собаки, любыми идиотами любите. И она меня так же.

Надо было набрать.

Я, когда начальника местного тут встречу, обязательно скажу, что предупреждать надо о том, что кран выключать собрались. У меня реально минуты две-три было. Так сердце прихватило, что понял – не успеть мне до больницы. Думаю, надо жене позвонить, предупредить, что к ужину не приду. А в голове только ее цифры: 36-55-14. Забыл все остальные номера, а рядом только городской. Ну, я и набрал. А там гудки странные. На ее голос похожие. Я бы, знаешь, просто про-

щения попросил. Здесь ее нет, у кого попросить... У тебя лишь если. А что ты понимаешь? Молчишь. Дышишь. Хотя чего тут понимать.

Ладно, если ты ее после меня встретишь, передай, что я прощения просил. Пойду я. Поищу, где выход. Запомнила? 36-55-14. Коля Кирпичников. Ах да, зовут ее... господи, как же ее зовут-то?.. Тьфу, вот склероз. Нет, ну подожди. Я не мог забыть. Я, когда умирал, помнил, а сейчас забыл? Так не бывает. Помню, мне имя не нравилось, я еще ее Соней называл.

Да что же это такое! Вот придурок. Уф-ф. Смешно, ей-богу. Я же дочку в ее честь назвал. Это я на нервной почве. Не каждый день умираешь. Галина она.

Галина. Телефон в Рязани – 36-55-14. Николай из Москвы. Запомнишь? Прощения просил. Ну и передай, что до сих пор люблю. Я не знаю, может, ей от этого легче станет, хотя какая здесь уже разница, но все равно. Вот так раз – и узнать, что мудака один трусливый всю жизнь о тебе думал, помнил... любил. Был бы здесь автоответчик, я бы ей сообщение наговорил, и всё.

Надо было набрать. Надо.

Сцена 7

Инструктор

Вот такие через день. Вечно кому-то не позвонили.

Стажер

Так вы не ответили насчет возвращения, вы что, навсегда можете обратно?

Инструктор

На один день, то есть он еще раз проживет день своей смерти.

Стажер

А умрет все равно?

Инструктор

Конечно! Что мы – изверги, что ли, чтобы человек жил вечно? Поэтому если возвращаем, то стираем воспоминания о том, что он уже умер. Человек просто просыпается как обычно, не зная, что это его последний день.

Стажер

А зачем?

Инструктор

Будет здорово, если ты меня дослушаешь. Бывают такие ситуации, когда человек очень сожалеет о том, что чего-то не сделал и умер, вот как этот Кирпичников, да и, уверен, первые трое тоже.

Стажер

Ага, так и есть.

Инструктор

Мы даем шанс. От смерти его не спасет, но здесь ему станет спокойнее, не будет такого раскаяния, а то нам больно слушать иногда.

Стажер

Вам бывает больно?

Инструктор

Я использую понятный тебе язык. То, что мы чувствуем, ближе всего к этому вашему слову. Ну вот, к примеру, не так давно прибыла девушка молодая, которая всю жизнь мечтала попробовать мороженое из морошки и не успела. Рыдала. Ну, мы ее и выбрали, одну из всех.

Стажер

Это же такая мелочь.

Инструктор

Откуда ты знаешь, что мелочь, а что нет?

Стажер

Ну хорошо, и что вы сделали, не курьера же ей послали?

Инструктор

Подожди, следующий к тебе.

Сцена 8

Борис Озерной, 65 лет

Ну и оргазм!!! Космос какой-то. Так. Минутку. Да не может быть! Господи, ты услышал мои молитвы! Я умер во время секса. Так, у кого бы спросить? Не дай бог просто сознание потерял. Я не хочу назад. Всё. 100 %. Можно выдохнуть. Здесь, конечно, не наливают, но я бы выпил. Ты не поверишь мне, конечно, но серьезно, я просто космически счастлив: мне шестьдесят пять, дети выросли, все с ними нормально будет, родителей похоронил. То есть все семейные долги закрыты. А в остальной жизни у меня полный коллапс.

Жена узнала про Ларису. Лариса узнала про Катю. А Катя сказала, что хочет квартиру.

Бизнес накрывается, потому что я ведь говорил партнерам, что не надо вытаскивать всю прибыль! Нет! У всех же Ларисы с Катями. Долг такой, что я не знаю, как они теперь разбираться будут, слава богу, я всех обеспечил, и жена их спокойно всех пошлет. Но сейчас мне было бы не до бизнеса.

Лариса – это дочка наших друзей. Ну, так получилось. Я

тоже не хотел, она правда сама, считай. Вот хоть убей не знаю, зачем я ей сдался. Но, видимо, сдался. Я год почти по лезвию ходил, но вчера все всплыло. У жены такое лицо было, как будто я спал с отцом ее друга, а не с дочкой моего. Я уехал в командировку, сказал, вернусь – поговорим. А что мне было говорить?! Это еще ее папаша пока не знает, кореш мой. Он все меня просил ее познакомить с друзьями моего сына, мужа найти.

И наконец, Катя. Ну с Катей все понятно, она за деньги, хотя говорит, что ей со мной интересно. Конечно, интересно, особенно в Куршевеле или Лафайете. Так вот, жена Ларису не простит, Катю бы мне простила, а Ларису не простит. А Лариса-то как узнала про мои подарки для Кати, такое устроила. Ну я понимаю, ревность. Обида. Ну и Ларисе – сорок три, а Кате – двадцать три, можно понять. Я тоже Ларисе сказал, что вернусь – поговорим.

Наконец, врачи. Я сделал чек-ап. Пока ничего смертельного, но я отчетливо представил, какая старость меня ждет. Это если повезет. А если не повезет? Если долго умирать буду?! А тут отель, Катя, шампанское, виагра, кокаин, второй раз за ночь, р-р-раз – и всё. Катя... О господи, я же ее наручниками приковал... Тьфу, как же она их расстегнет? Я еще на ней был. А я – сто кг, а Катя – сорок. То есть я сейчас на ней, мертвый, а она к кровати прикована! Вот я, конечно, идиот... Так, а ключи от наручников где?! Ключи у меня в машине вообще остались! Как же она вылезет?..

Представляю, как отельный слесарь придет с инструментами, местный безопасник, менеджер, и вот Катя перед ними, а сверху я. Еще, наверное, ее трогать не будут до прихода полиции, как машины после ДТП. Нет, это просто Тарантино какой-то. Господи, надеюсь, я без носков, не хотелось бы позориться на весь отель. А все равно же в Сеть выложат, вот Кате повезет, звездой «Ютьюба» станет. Всегда хотела.

Интересно, Катя жене позвонит, а жена – Ларисе, или Катя – Ларисе, а Лариса – жене? Жена им всем точно звонить не будет. Мертвые, говорят, кстати, сразу тяжелее становятся. А если я ее совсем раздавлю? Не вынесла тяжести любви. И жили они долго и счастливо, и умерли в один день от виагры и кокаина. Да я, конечно, прекрасно ушел. Громко хлопнул дверью. Надо было ключи взять с собой и носки снять. Я до сих пор в себя прийти не могу, дурак я, конечно, с этими наручниками, ведь и правда по Сети разойдется. Мне самому-то все равно, а вот Лизе... Дочка моя младшая, ей семнадцать, и я ей обещал, что маме больно делать не буду. Она меня все время спрашивала, почему мы не разойдемся, ну что друг друга мучить-то?

А как ей объяснишь, что мы не то, чтобы мучили, просто, когда вместе столько лет, как не изменять-то? Я же живой. Но в остальном я реально хорошим мужем был, вот не придерешься! А бабы, ну что бабы, бабы?.. Сейчас вот как-то назад смотришь и думаешь: на хрена они нужны были? Но я не об этом.

В общем, Лиза просила, если я уж что-то там делаю, то чтобы никто не знал. У нее, прикинь, подруга чуть постарше во второй состав устроилась. Знаешь, что такое второй состав? Это официальные любовницы, то есть все знают, что есть жена, а есть второй или даже третий состав, в открытую. Женам, конечно, это не очень приятно, но все же добровольно.

Короче, меня Лиза как дочь отца попросила, чтобы мама ничего не знала, точнее, чтобы люди не знали, а тут я так умер, что люди, судя по всему, узнают, причем все, даже те, кто меня и мою жену не знал... Вот это плохо. Нельзя детей своих обманывать, они потом никому вообще верить не будут. На хрена я с этими наручниками решил обострить чувства, еще и в носках!.. Дурак.

Сцена 9

Инструктор

Вот это попал мужик, это же надо таким растяпой быть! А главное, чтобы и правда его эта Катя сейчас к нам не присоединилась.

Стажер

Подождите, я не понял, как все работает, как вы той девушке с морошкой все сказали?

Инструктор

Мы можем, к примеру, войти в сон, а там уж все зависит от того, насколько человек прислушивается к своей интуиции.

Стажер

То есть девушка проснулась в день своей смерти, поняла, что ей приснилось мороженое из морошки, решила, что это знак, и бегом в магазин? Так?

Инструктор

Ну вроде того. Мы на интуицию по-разному влиять можем, но это самый простой способ.

Стажер

Вы, конечно, извините, но я все-таки детальнее хотел бы расспросить. У меня есть время?

Инструктор

Здесь времени нет не только у тебя, но и у меня. Здесь вообще нет времени. Просто не существует. Это тяжело понять, я помню. Эйнштейн даже кричал на меня. Говорил, что я ничего не понимаю. Еле успокоил его. Так что задавай спокойно.

Стажер

Допустим, девушка ваша послушала интуицию и купила

мороженое. Она же изменила свой день, и, значит, могла измениться ее жизнь, и она не умерла бы.

Инструктор

Да, это сложная задача. Но мы с ней справляемся. Мы не можем допустить парадокса времени. Поэтому окна появляются редко. И еще комиссия парадоксов времени все рассматривает, ну чтобы не очень сильные изменения в принципе произошли. Непросто все, честно говоря. Мы потом до ночи в офисе сидим и разруливаем всё.

Стажер

В офисе?!

Инструктор

Я использую понятное тебе слово.

Стажер

Хорошо. То есть они тут как на ток-шоу душу изливают и просят вернуть, а мы решаем? Ну точнее, я решаю?

Инструктор

Про ток-шоу это смешно, хотя вообще-то за них у вас другой наш департамент отвечает, даже как-то обидно, что параллель такая.

Стажер

Что?

Инструктор

Ваши ток-шоу придумали те, кого вы называете слугами дьявола, понимаешь, а мы тут как бы повыше все-таки и вообще типа светлые. Поэтому, когда ты нас сравнил, то я задумался. Долго объяснять. По сути, ты не совсем прав. Они не знают, что можно на день назад, просто рассказывают, что на душе – в основном про то, как умерли, что в последний день было, и как раз в этот момент очень часто сожалеть начинают о том, например, что, уходя из дома, утюг не выключили и умерли, а там сейчас все сгорит.

Стажер

И что, вы их назад отправите утюг выключить?!

Инструктор

Не факт, может, там и должно все сгореть. Еще раз повторяю: мы обращаем внимание на сожаления, которые не могут кардинально изменить человеческую жизнь, в контексте грядущей смерти. Допустим, этот мужик с наручниками все равно умрет, но если мы его отправим назад и он наш сигнал услышит, то захватит ключи и, может, носки снимет. Ферштейн?

Стажер

Вроде да... А желания только законные?

Инструктор

Да-да, я знаю, чего ты не попробовал.

Стажер

Откуда? И почему, кстати, я в этом вашем ток-шоу участия не принял?

Инструктор

Что ты заладил, ток-шоу, ток-шоу. По тебе мы сразу решили, что возьмем к себе стажером. Это покруче любого ЛСД, уж поверь мне, я разбираюсь.

Стажер

Вы пробовали?!

Инструктор

Нет, я был против того, чтобы мы вам это дали. Опасно, да и счастья истинного не приносит. Но у нас тут свои лоббисты есть. Потом поговорим.

Стажер

А сколько всего сегодня?

Инструктор

Как пойдет. Выбери одного. Не думай о значимости выбора. Слушай свою интуицию. Когда мы выбрали девушку с морошкой, то не отправили назад человека, который мог изобрести лекарство от Альцгеймера в этот день.

Стажер

Почему?!

Инструктор

Потому что так было правильно. Вот следующая.

Стажер

А почему я именно этих слушаю?

Инструктор

То есть кто убил Кеннеди, тебе не интересно, ты не спрашиваешь, а вот ерундой озаботился? Что за люди пошли. Программа так решила. Устраивает тебя такой ответ?

Стажер

Вполне.

Инструктор

Вот в этом вся ваша суть... Много еще работы у нас. Слушай давай.

Сцена 10

Вероника Фролова, 78 лет

Ну вот как так, а?! Сразу все вспомнила. И даже вспомнила, как ничего не помнила. Вот они со мной намучились. Хоть бы кто-нибудь этот Альцгеймер вылечил уже. Хотя... хотя... Нет, надо лечить, моим тяжело было, особенно внукам. Я их любила, баловала, ох как баловала-то, внуков любишь по-другому, и я сейчас объясню, в чем разница. Родителям же кажется, что дети им должны. Я же тебя мучилась, рожала, значит, ты мне должен! Обязан. Я же воспитывала, ночами не спала, а ты вырос вот и начинаешь мнение свое иметь, а еще хуже, если мнение полностью моему противоположное. Ну и еще момент: мама с дочкой все равно как женщины конкурируют, а папа даже представить не может, что у его дочки с кем-то секс может быть, с сыновьями – то же самое, только наоборот. А внуки... Ты их любишь просто так и ничего взамен не просишь. Они это чувствуют и тоже любят просто так, ты их достижениями свои проблемы решать не хочешь, разница слишком большая, поэтому радуешься, даже если он бросил университет и ушел в музыканты, любишь и радуешься. Вот поэтому меня внуки и любили, и я их, а я же про них не помнила.

Сейчас вспоминаю, как они приходили, за руку держали,

лица такие любящие были, а я как на чужих смотрела. А уж как дочь намучилась! Я же в итоге-то и ушла сама. Надеюсь, они меня найдут. Лежу сейчас, наверное, в морге уже, но они наученные, мне на шею повесили, как военным вешают, жетон такой, с именем и номером телефона. А ушла я потому, что поняла, что надо идти, почему не знаю, но надо.

Так вот я про Альцгеймер: с одной стороны, конечно, надо его лечить, а с другой – я в таком интересном мире пожила, в своем. Каждую вещь в доме чувствовала, они же живые... Или вот дождь, дождь же землю как ладонью гладит, он ее успокаивает, ты это чувствуешь. И тебе спокойнее становится. А еще людей видишь, то есть не понимаешь, кто это, но видишь, какой он сейчас: грустный или веселый, волнуется или, наоборот, хорошо ему; когда болеет видишь; правда, что с этим всем знанием делать – не знаешь. А когда сбегашь, то тебе кажется, что ты Колумб, не знаешь, что там за каждым поворотом. Каждый человек – новый мир. Но пять лет многовато, хотя времени нет, это я сейчас понимаю, что пять лет прошло, а там-то у тебя каждый день как жизнь, засыпаешь и снова рождаешься. Открываешь глаза и не понимаешь, что такое свет, потом – что такое вздох, потом первый раз воду пьешь, ешь что-то, вкусы узнаешь, и целый день открытий.

А Лида, значит, развелась... два года назад, получается. Лида – это дочка моя, это она меня забрала. Стало быть, меня Игорь хотел в дом престарелых сдать? Игорь – это сын,

вот ведь как иногда происходит! Мы с Лидой, помню, года два вообще, считай, не общались, а вот Игорюша такой родной был – и в дом престарелых... Хорошо, что это я только сейчас поняла, я помню, они при мне разговаривали, при мне. Как бы туда всем передать, что мы тут все вспоминаем потом, не надо при нас разговаривать. Лида меня к себе забрала, хотя самой-то уже за пятьдесят, неужели они из-за меня развелись? Получается, да! Зачем я все это вспомнила? Они и поженились из-за меня, я сказала, только через мой труп, они и решили проверить, очень он мне не нравился, простоватый какой-то. Лидочка моя большего заслуживала, я всегда говорила, а из-за него она так и закисло. Она на него всю жизнь положила, а он ее бросил из-за того, что со мной жить тяжело, то есть я все-таки права была. Надо было тогда молчать, не сказала бы, что я против, может, они бы назло и не женились бы.

Нет, я его понимаю, мне же сиделка нужна, а это деньги. Игорюша вот правильно хотел меня сдать, а Лидочка не смогла, я теперь помню! Мы после того, как ее Андрей бросил, ездили же меня сдавать! Точно, помню, приехали, поговорили с их главным, оставили меня, а потом через два часа Лидочка вернулась и забрала меня. Не смогла.

Спросите, как я сейчас вышла? На сиделку денег не хватало, в выходные со мной Лидочка. Она дверь не закрыла, когда мусор выносила, я и вышла, пора мне было уйти, может, не хотела дома умирать. А сейчас меня Лидочка найдет

и не узнает, как я задыхалась, «скороую» вызывать не придется, а то вытащили бы еще, и опять ей со мной мучиться, нет уж, хватит. Может, к ней Андрей вернется, я ей и так жизнь испортила, вот хоть сейчас что-то хорошее сделаю. А вот про это я не подумала... Я же печку затопила зачем-то... А я не помню, заглушка там открыта или нет... Господи, Лидочка... Господи, зачем я эту печку затопила, я до сих не понимаю. Так страшно!

Я же главного не сказала. Я Лидочку отдала в спорт-интернат. Ей тринадцать было, тренер говорил, что талант, но что можно и из дома ездить, а я... Лидочка тогда плакала, просила ее не отдавать, а я... У меня тогда сразу два романа было. А тут спорт-интернат, на выходные можно ребенка забирать, всю неделю гуляй – не хочу, а можно и не забирать. Я и не забирала иногда. Игорь уже вырос и сам жил, Лидочка иногда к нему ездила. Он тогда первый раз в психушке, помню теперь, как Лидочке сказал: «Интернат не помнишь?» Получается, он мне тогда за нее мстил, а она не мстила. Помню, когда я ее первый раз оставляла, она на меня в окно смотрела. Все-таки научила я ее чему-то, раз она меня потом не бросила. Только бы я заглушку открыла... Все помню, а это не помню.

Сцена 11

Инструктор

Ох ты ж, как это я с Альцгеймером угадал!

Стажер (*после раздумий*)

Скажите, а она попробовала тогда мороженое из морошки?
ки?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.